Публикация: Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Заметка о Церкви // Вестник РХД. – 1984. – № 141 (I–II). – С. 78–82.

В 140-м выпуске «Вестника» напечатана статья за подписью С. Т. Богданова (псевдоним свящ. Георгия Кочеткова – *Прим. ред.*), озаглавленная «Священство православных и баптистов».

Своим содержанием и тематикой статья касается современно-жгучей проблемы Церкви, в связи с ростом в сегодняшней России баптизма, отрицающего традиционные православные формы церковности, но в то же время, как правильно (и часто остроумно) подчеркивает С. Т. Богданов, усваивающего организацию, структуру и дисциплину Церкви, только в новых, более секулярных формах.

Именно в такой плоскости и возможен диалог между Православием и баптизмом, хотя спокойный диалог – без страха и полемики – нелегко осуществить в современных условиях. Серьезной богословской литературы нет, а власти, допускавшие широкое развитие баптизма в 20–х годах, как средство для ликвидации Православия, и теперь вряд ли сочувствуют объединению христианских сил и видят очевидную для себя пользу в их соревновании.

Автор статьи дает справедливо отрицательную оценку «первому этапу» соприкосновения баптизма с Православием, т. е. официальной полемике против вводимого в дореволюционную Россию с Запада протестантизма. Действительно, в те годы русское Православие «отмахивалось от него, как от назойливой мухи, стараясь во всем сохранить status quo, повторяло одно и то же в ответ на одни и те же вопросы» (стр. 32). А баптисты примитивно защищали мнимый возврат к новозаветной простоте». Далее С. Т. Богданов, опять же справедливо, показывает сложность вопроса о Церкви и невозможность решить проблемы, связанные с иерархией и значением таинств путем упрощенной борьбы новозаветными цитатами. Автор также отмечает интересныепротиворечия в этом вопросе у баптистских авторов и указывает на частое фактическое возвращение к позициям, которые ранее отрицались, как ложные и не библейские… При наличии почти полного, вынужденного молчания Православия, баптисты сами собой приходят к традиционным понятиям о иерархии. Впрочем, все это происходит на уровне весьма примитивном, но не так уж далеком от куда более утонченных экуменических изысканий на Западе, где также, но более сознательно, вырабатываются «консенсусы» о таинствах и иерархии, что, впрочем, не приводит сразу к единству, поскольку последнее зависит не от формальных «консенсусов», а от согласного, свободного и сознательного нахождения Единой Церкви…

Следует надеяться, что статья С. Т. Богданова послужит началом, хотя бы на страницах «Вестника», для свободного обсуждения сущности русского Баптизма, а также причин его привлекательности для сотен тысяч простых людей, ищущих Христа.

Но, именно в порядке такого обсуждения, мне кажется необходимым выразить не только некое удивление, но и решительное несогласие с основным выводом статьи. Я не буду останавливаться на неясных выражениях, объясняемых, вероятно, богословской неопытностью автора, а ограничусь главным.

С. Т. Богданов положительно отзывается о так наз. «евхаристической экклезиологии»,

которая, по его мнению, раскрыла «логику исторического развития многих церковных институтов, идей и положений» (стр. 48–49), и, следовательно, дала возможность православным лучше объяснить баптистам основные принципы церковности. Описывая «евхаристическую экклезиологию», автор ссылается справедливо на труды покойного о. Н. Афанасьева, хотя приписывает те же взгляды другим русским зарубежным богословам, о. С. Булгакову и о. Киприану (Керну), по существу придерживавшимся совсем других принципиальных установок [Так, например, «евхаристическая экклезиология» о. Н. Афанасьева, я думаю, несовместима с «софиологией» о.С. Булгакова.].

В чем состоит «евхаристическая экклезиология», и в каком смысле она может помочь пониманию церковного строя?

По существу, «евхаристический» подход к Церкви можно свести к основной интуиции, – что Евхаристия есть явление Церкви, определяющее Ее внутренний строй; – что каждое евхаристическое собрание есть явление всего Тела Христова, а не только его части, т. к. Тело это неделимо («Где Христос, там кафолическая Церковь» — св. Игнатий Богоносец); – что евхаристическое собрание может быть возглавляемо только одним лицом, а не несколькими, подобно еврейским вечерям (одна из которых стала Тайной Вечерей, возглавляемой самим Господом);

– что в истории Церкви было время, когда апостолы Павел, Петр и др. еще не написали своих посланий, и когда евангельские тексты не были еще письменно закреплены, но не было времени, когда не совершалась Евхаристия;

– что, поэтому, первоначальная апостольская община в Иерусалиме, описанная в первых главах книги Деяний Апостольских и возглавляемая Петром (а затем Иаковом), стала основным и, по существу, единственным образом Церкви на все времена, осуществляемом в каждой местной церкви («Новом Иерусалиме» ); – что, поэтому, в каждой местной церкви есть предстоятель, являющий образ Христа, место, которое впервые занял Петр в Иерусалиме;

– что каждая евхаристия есть не только «воспоминание» Тайной Вечери, но и предвосхищение, ожидаемое и призываемое верными, и Второго Пришествия Христова; – что не существует другого приемлемого (с историко-критической точки зрения) объяснения т.н. «монархического епископата», который в лице Петра, а затем Иакова, существовал уже в Иерусалимской общине, и существование которого засвидетельствовано не как «новшества», а как самоочевидная форма церковного устройства у св. Игнатия Богоносца (конец ~ I века).[Интересно, что С. Т. Богданов связывает понятие «монархического епископата» не с евхаристией и предстоятельством в местной церкви, а, парадоксально, с папством, т. е. с идеей «универсального» владычества одного епископа над другими. При этом он ссылается на о. С. Булгакова, иллюстрируя этой ссылкой несовместимость идеи софиологического «всеединства» с евхаристической экклезиологией.]

Все эти положения «евхаристической экклезиологии» в наше время довольно широко приняты, как богословски последовательные и исторически бесспорные. Они ставят под вопрос, конечно, и папство, и протестантское антисакраментальное упрощенчество. Справедливо признать, конечно, что и «эмпирия» современного Православия, с его по-папски действующими патриархами и епископатом, оторванным от паствы, также ставится под вопрос в «евхаристическом» понимании Церкви. Действительно, если пастырство, учительство и первосвященство принадлежат предстоятелю евхаристии, то

они de facto исполняются в служении современных настоятелей приходов, а не епископов… Не удивительно поэтому, что С.Т. Богданов, излагая «евхаристическую экклезиологию», позволяет себе иронизировать над ее теократичностью: его «личному опыту жизни в Церкви» она не соответствует (стр. 49).

Правда, современная православная действительность полна несостоятельностей и противоречий. Поэтому и защита Православия против баптизма не всегда легка. Но все же, я не соглашусь с С. Т. Богдановым в том, что евхаристическая экклезиология не доступна православному опыту. Если что–нибудь признается рядовым православным как истинное «явление Царства», так это именно Литургия. Полный смысл этого «явления» не всегда понимается, но сам опыт этот правильный, и на нем можно строить… Слава Богу, Православие, хотя и живет в несостоятельности и придерживается «практических ересей», никогда этих ересей не догматизировало, оставляя возможность с ними бороться, восстанавливать, творить… Именно поэтому в России были возможны и развитие экклезиологической мысли, и проекты церковных реформ в 1905–1917 гг. Но именно поэтому я так решительно не согласен с выводами статьи С. Т. Богданова: принципиальное принятие двух параллельных форм церковного устройства: «синагогально-синаксарную» и «экклисическую» (зачем такие чудовищные неологизмы?). Деление это неприемлемо принципиально, т. к. Церковь – одна, а выделение «синагогально-синаксарного» устройства для особой группы «уже усовершившихся и освятившихся» было бы своеобразным гностическим элитизмом. Формы такого элитизма известны с древности, и всегда отвергались «кафолическим» христианством…

Неприемлемо оно и методологически. Для защиты ее, автор ссылается на Новый Завет прямо удивительным образом: оказывается, апостолы Петр и Павел стояли за «экклисичность», а Иаков и Иоанн за «синаксарность». Уж если говорить о разных «напластованиях» новозаветных памятников, то именно писания, связанные с именем апостола Иоанна (и Иакова), дают основу для «евхаристической экклезиологии» и «монархического» епископата… На каком основании автор может безапелляционно утверждать, что, «как известно из Писания, ап. Павел стал рукополагать пресвитеров для церквей, основанных им во время первого миссионерского путешествия», и что это «было сделано в связи с тем, что христианство вышло за пределы иудейства» (стр. 38) …

Да простит он меня за то, что я его упрекаю в методологической несерьезности. В практическом отношении, я думаю, что его желание оправдать существование в Церкви малых групп преданных и «усовершенствовавшихся» христиан – вполне законно, особенно в условиях современной церковной жизни в России. Я также вполне согласен, что баптистские общины могу рассматриваться именно как «синаксарные» (как бы подготовительные) и благодатной церковности группы, но они именно еще не «усовершившиеся» и не «освятившиеся» общины… Но говорить, что «экклисическое устройство с его догматами, канонами, чинными уставами, апостольской преемственностью иерархии, и т. д.» есть как таковое всего лишь «ветхозаветная реальность» (стр. 58), неверно и опасно, и даже, с православной точки зрения,чудовищно. Именно евхаристическая экклезиология, соответствующая новозаветному и древне-христианскому пониманию церкви, должна дать «тон» правильному отношению к этой церковной эмпирии и научить путям ее преображения изнутри.

Автор: Автор